



на вспомоществование семействамъ убитыхъ и раненыхъ воиновъ, поступившихъ въ деревни Грушаной, змієвскаго по 24 іюня, 103 р. и съ 24 іюня по 1 юля 1877 р., всего 305 р. и на съюзія и, когда Волкова подала кусокъ державе сестерши миссии 83 руб.—хлѣба, схватилъ ее за голову, наклонилъ всего 388 р., общее постиченіе пожеръ къ землѣ и имѣвшимъ у него за посомъ творческіи въ суммы мѣстнаго управлѣнія поимѣетъ, ванесъ Волковой рану въ правь 13 архѣа, т. е. со днія объявленія воеу хо. На країнѣ Волковой, сбѣжавшейся сосѣди освободили ее, задержавъ Ходасова. По видимому, Ходасовъ находится въ умопомѣшательствѣ; для испытания въ этомъ онъ отосланъ въ больницу.

\*\*\*

## ИЗЪ ДНЕВНИКА ПРОИСШЕСТВІЙ.

(По ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ).

23 іюня, въ полдень, крестьянинъ И-

ванъ Ходасовъ зашелъ во дворъ крестьянъ и рабочихъ, поступившихъ въ деревни Грушаной, змієвскаго по 24 іюня, 103 р. и съ 24 іюня по 1 юля 1877 р., всего 305 р. и на съюзія и, когда Волкова подала кусокъ державе сестерши миссии 83 руб.—хлѣба, схватилъ ее за голову, наклонилъ всего 388 р., общее постиченіе пожеръ къ землѣ и имѣвшимъ у него за посомъ творческіи въ суммы мѣстнаго управлѣнія поимѣетъ, ванесъ Волковой рану въ правь 13 архѣа, т. е. со днія объявленія воеу хо. На країнѣ Волковой, сбѣжавшейся сосѣди освободили ее, задержавъ Ходасова. По видимому, Ходасовъ находится въ умопомѣшательствѣ; для испытания въ этомъ онъ отосланъ въ больницу.

Въ приказѣ было предписано строгая типшина во время переправы—и это соблюдалось въ высшей степени; солдаты почти не шевелились даже тогда, когда гранаты взрывали воду около самыи понтоновъ.

Въ приказѣ было сказано, что отступленія быть не должно, а передъ боемъ генералъ еще разъ напомнилъ, что нужно идти впередъ или въ Дунай, и что подмоги не будетъ.

Что жъ, очень трудно было братъ позицію—сироились я одного раненаго минца.

Да щожъ трудно, когда было скажано никакихъ отступлений—пополамъ возвьмешь,—отвѣчала она въ нѣкоторомъ раздумьи, словно ему вдругъ пришелъ въ голову вопросъ: «А что, разѣѣ можно было не взять ее, если приказано было не отступать?»

Вѣдь движениія и атаки, не смотря на различныи отступлѣнія, ради приспособленія къ условиямъ мѣстности и боя, все-таки въ концѣ концовъ направлялись къ одному пункту—къ командующему холму, и только что успѣли захватить имъ, какъ турки очистили Систово, и огромная позиція верстъ на 13 была въ нашихъ рукахъ. Но вернусь съ понтонами.

Сильный ружейный огонь продолжался часовъ до 10 утра, послѣ чего понтоны проходили терпѣть только отъ гранатъ, которыми угощали ихъ единственное орудіе, стоявшее на систовской батареѣ, которой командали какой-то англичанинъ. По рассказамъ систовскихъ болгаръ, англичанинъ этотъ былъ выведенъ изъ терпѣнія настойчивостью русскихъ и выразился такъ:—сколько ихъ на бѣ, это мужиче все впередъ лѣзть. Нѣкоторые понтоны, желая изѣбнуть страшного огня съ берега, спустились нѣсколько виже и производили очень тяжелое впечатлѣніе. Понтонный мостъ черезъ Дунай уже готовъ и большая масса войскъ находилась уже на правомъ берегу. Разумѣется, каждый живущій въ Зиминѣ хоть разъ да побываетъ въ Систово, въ которомъ вино и табакъ несравненно лучше, чѣмъ въ Румыніи. Турецкія ассаціи въ Систово сразу ушли до вида, и ихъ можно получить даромъ. Одинъ гусарскій офицеръ С. купилъ за нѣсколько франковъ на 2 съ половиной тысячи рублей этихъ ассацій и послалъ ихъ домой,—1,000 р. на платеи сестеръ, а 1,500 отцу въ уплату забраныхъ впередъ денегъ.

Въ Систово я попалъ уже къ ночи и долженъ былъ переночевать у одного помѣка, на захваченной имъ турецкой кочермѣ. Экипажъ его занимается сортировкой разлѣченныхъ ими надежностей остатками судовъ и цѣлый день лазаетъ подъ деревомъ, чтобы имъ хотя какую-нибудь защиту отъ падающихъ листьевъ.

На одномъ понтона сначала была

работа половины команды, потомъ добрались до гребцовъ; послѣднихъ замѣтили людми команды; но скоро уже всѣмъ было и замѣтить — перебыли всѣхъ и остался одинъ унтер-офицеръ флотской стрѣлковой роты (фамилию не удалось узнать). Не желая уступать туркамъ понтона, онъ схватилъ два вѣсла и сталъ сильно грести отъ турецкаго берега. Но не успѣлъ онъ сдѣлать и нѣсколько вѣсахъ, какъ пузъ ударила ему въ одну руку. Тогда, видя невозможность увести понтоны, матросъ бросился въ воду, и дошли до турецкаго берега, побѣжалъ вверхъ по рѣкѣ, защищаемый обрывомъ отъ разстрѣловъ.

На другомъ понтона осталось трое матросовъ. Понтоны самый разбило гранатой и они бросились въ воду. Матросъ гвардейского экипажа Семенъ Лопатинъ былъ уже раненъ въ руку, съ раздрѣблѣнѣемъ кости; когда онъ разѣвался, чтобы броситься въ воду, ему раздрѣблили другую руку въ плечѣ; два другие были тоже ранены; тѣмъ не менѣе, поймавъ плавающую доску, гѣѣ трое поплыли, держась за нее. Такимъ образомъ имъ удалось выбраться на середину и течениемъ ихъ привнесло къ острову, въ 4-хъ виже мѣста перевѣзы. Обезсѣленный Лопатинъ не могъ продолжать плаванія и остался на островѣ, двое же товарищей его на той же доскѣ побѣжали добратись до берега и, по всѣмъ вѣроятностямъ, погибли такъ какъ обѣихъ нѣтъ никакихъ свѣдѣй. Лопатинъ, страдая отъ ранъ и голода, пробывъ на островѣ пять съ половиною сутокъ, и единственно, что доставляло ему облегченіе и не давало умереть съ голоду—это постоянные купанья въ Дунай; имъ онъ хотя нѣсколько омывалъ свои раны, въ которыхъ завелись уже черви. Несчастный уже потерпѣлъ всяку надежду на спасеніе, какъ счастливый случай привелъ къ острову лодку нашихъ моряковъ, между которыми находился товарищъ Лопатинъ по ротѣ. Услыхавъ крикъ, онъ узналъ голосъ Лопатина и его взяли въ лодку. Теперь Лопатинъ лежитъ въ палатѣ Рижевскаго санитарнаго отряда и вчера его два раза наѣстили Государь, а Великий Князь Главнокомандующий лично принялъ его на рабахъ Георгиевскій крестъ. Докторъ Поповъ, завѣдующій отрядомъ, надѣется на благополучный исходъ его ранъ, хотя онъ и очень серьезны.

Вчера я зашелъ навѣстить Лопатина;

онъ лежалъ подъ деревомъ. Раны его сильно мучили, и его, по его собственному выражению, «всего мозжилъ». Его красивое лицо постоянно подергалось страданіями, но онъ не издавалъ ни одного стона. Вообще наши раненые совсѣмъ не стонутъ и ночью въ ихъ палатахъ полночная тишина.

Сестрица! произнесъ онъ ваконецъ, какимъ то дѣтски-молающимъ голосомъ,—сестрица!

Что тебѣ, голубчикъ?

Сестрица! нельзя ли мнѣ купить барашка?

Хорошо, сѣйчасъ приготовить.

Нѣтъ на мои деньги купить.. барашка.

А что, пойти захочѣлось?

Страшъ какъ хочется, хотѣ бы хлѣба.

Да щожъ трудно, когда было скажано, что отступленія быть не должно, а передъ боемъ генералъ еще разъ напомнилъ, что нужно идти впередъ или въ Дунай, и что подмоги не будетъ.

Что жъ, очень трудно было братъ позицію—сироились я одного раненаго минца.

Да щожъ трудно, когда было скажано никакихъ отступлений—пополамъ возвьмешь,—отвѣчала она въ нѣкоторомъ раздумьи, словно ему вдругъ пришелъ въ голову вопросъ: «А что, разѣѣ можно было не взять ее, если приказано было не отступать?»

Вѣдь движениія и атаки, не смотря на различныи отступлѣнія, ради приспособленія къ условиямъ мѣстности и боя, все-таки въ концѣ концовъ направлялись къ одному пункту—къ командующему холму, и только что успѣли захватить имъ, какъ турки очистили Систово, и огромная позиція верстъ на 13 была въ нашихъ рукахъ. Но вернувшись съ понтонами.

Сильный ружейный огонь продолжался часовъ до 10 утра, послѣ чего понтоны проходили терпѣть только отъ гранатъ, которыми угощали ихъ единственное орудіе, стоявшее на систовской батареѣ, которой командали какой-то англичанинъ. По рассказамъ систовскихъ болгаръ, англичанинъ этотъ былъ выведенъ изъ терпѣнія настойчивостью русскихъ и выразился такъ:—сколько ихъ на бѣ, это мужиче все впередъ лѣзть. Нѣкоторые понтоны, желая изѣбнуть страшного огня съ берега, спустились нѣсколько виже и производили очень тяжелое впечатлѣніе. Понтонный мостъ черезъ Дунай уже готовъ и большая масса войскъ находилась уже на правомъ берегу. Разумѣется, каждый живущій въ Зиминѣ хоть разъ да побываетъ въ Систово, въ которомъ вино и табакъ несравненно лучше, чѣмъ въ Румыніи. Турецкія ассаціи въ Систово сразу ушли до вида, и ихъ можно получить даромъ. Одинъ гусарскій офицеръ С. купилъ за нѣсколько франковъ на 2 съ половиной тысячи рублей этихъ ассацій и послалъ ихъ домой,—1,000 р. на платеи сестеръ, а 1,500 отцу въ уплату забраныхъ впередъ денегъ.

Сегона вступаетъ сюда русская главная квартира<sup>а</sup>, пишетъ изъ Систово, отъ 5 юля, корреспондентъ въ складѣ Presse, «а съ нею вѣроятно прибудетъ и Царь, Который будетъ жить тогда въ домѣ агента австрійскаго дунайскаго общества пароходства. Пріоръ при дворѣ штатъ и высшіе генералы живутъ въ палатахъ. Три палаты нѣсколько большей величины—это столовыя; всѣ проризи занимаютъ самое большое двѣ квадратныя сажени каждая. Онъ представлена въ два ряда, состоящая какъ бы стѣнами улицы. Эта правильная группировка соблюдена только у палатокъ лицъ, принадлежащихъ непосредственно къ свѣтѣ Его Величества. Вѣсны проризи предоставлены разбивать палатки гдѣ имъ угодно, конечно только по близости. Каждый постарался устроить съ подъ деревомъ, чтобы имъ хотя какую-нибудь защиту отъ падающихъ листьевъ.

Въ Систово я попалъ уже къ ночи и

долженъ былъ переночевать у одного помѣка, на захваченной имъ турецкой кочермѣ. Экипажъ его занимается сортировкой разлѣченныхъ ими надежностей остатками судовъ и цѣлый день лазаетъ подъ деревомъ, чтобы имъ хотя какую-нибудь защиту отъ падающихъ листьевъ.

На одномъ понтона сначала была

работа половины команды, потомъ добрались до гребцовъ; послѣднихъ замѣтили людми команды; но скоро уже

всѣмъ было и замѣтить — перебыли всѣхъ и остался одинъ унтер-офицеръ флотской стрѣлковой роты (фамилию не удалось узнать).

Не желая уступать туркамъ, онъ схватилъ два вѣсла и сталъ сильно грести отъ турецкаго берега. Но не успѣлъ онъ сдѣлать и нѣсколько вѣсахъ, какъ пузъ ударила ему въ одну руку. Тогда, видя невозможность увести понтоны, матросъ бросился въ воду, и дошли до турецкаго берега, побѣжалъ вверхъ по рѣкѣ, защищаемый обрывомъ отъ разстрѣловъ.

На другомъ понтона осталось трое матросовъ. Понтоны самый разбило гранатой и они бросились въ воду. Матросъ гвардейского экипажа Семенъ Лопатинъ былъ уже раненъ въ руку, съ раздрѣблѣнѣемъ кости; когда онъ разѣвался, чтобы броситься въ воду, ему раздрѣблили другую руку въ плечѣ; два другие были тоже ранены; тѣмъ не менѣе, поймавъ плавающую доску, гѣѣ трое поплыли, держась за нее.

Надѣяться криполинъ—ну, съ нимъ

ничего и не подѣлаешь.

Это ешь что за криполинъ?

А оѣъ, видите, окружаетъ себя сѣть, изъ тонкіхъ бичевъ, которая не

довольствуетъ ни подойти къ монитору, ни поднести подъ него мины. Къ сѣтѣ, которая держится на изѣвѣнномъ разстояніи отъ монитора посредствомъ шестовъ и поплавковъ, привѣшиваются еще маленькихъ самовзрывчатыхъ мины, на костыль которыхъ легко можетъ наѣтись миноносная шлюпка. Вотъ Нилову и пришелъ имъ дѣло съ криполиномъ.

Ниловъ дѣятельно спасалъ матросовъ, но не успѣлъ отѣхъ отѣхъ, и тѣ, кто вѣроятно спасалъ, оправдывались, что не имѣли времени.

Ниловъ дѣятельно спасалъ матросовъ, но не успѣлъ отѣхъ отѣхъ, и тѣ, кто вѣроятно спасалъ, оправдывались, что не имѣли времени.

Ниловъ дѣятельно спасалъ матросовъ, но не успѣлъ отѣхъ отѣхъ, и тѣ, кто вѣроятно спасалъ, оправдывались, что не имѣли времени.

Ниловъ дѣятельно спасалъ матросовъ, но не успѣлъ отѣхъ отѣхъ, и тѣ, кто вѣроятно спасалъ, оправдывались, что не имѣли времени.

Ниловъ дѣятельно спасалъ матросовъ, но не успѣлъ отѣхъ отѣхъ, и тѣ, кто вѣроятно спасалъ, оправдывались, что не имѣли времени.

Ниловъ дѣятельно спасалъ матросовъ, но не успѣлъ отѣхъ отѣхъ, и тѣ, кто вѣроятно спасалъ, оправдывались, что не имѣли времени.

Ниловъ дѣятельно спасалъ матросовъ, но не успѣлъ отѣхъ отѣхъ, и тѣ, кто вѣроятно спасалъ, оправдывались, что не имѣли времени.

Ниловъ дѣятельно спасалъ матросовъ, но не успѣлъ отѣхъ отѣхъ, и тѣ, кто вѣроятно спасалъ, оправдывались, что не имѣли времени.

Ниловъ дѣятельно спасалъ матросовъ, но не успѣлъ отѣхъ отѣхъ, и тѣ, кто вѣроятно спасалъ, оправдывались, что не имѣли времени.

Ниловъ дѣятельно спасалъ матросовъ, но не успѣлъ отѣхъ отѣхъ, и тѣ, кто вѣроятно спасалъ, оправдывались, что не имѣли времени.

Ниловъ дѣятельно спасалъ матросовъ, но не успѣлъ отѣхъ отѣхъ, и тѣ, кто вѣроятно спасалъ, оправдывались, что не имѣли времени.

Ниловъ дѣятельно спасалъ матросовъ, но не успѣлъ отѣхъ отѣхъ, и тѣ, кто вѣроятно спасалъ, оправдывались, что не имѣли времени.

Ниловъ дѣятельно спасалъ матросовъ, но не успѣлъ отѣхъ отѣхъ, и тѣ, кто вѣроятно спасалъ, оправдывались, что не имѣли времени.

Ниловъ дѣятельно спасалъ матросовъ, но не успѣлъ отѣхъ отѣхъ, и тѣ, кто вѣроятно спасалъ, оправдывались, что не имѣли времени.

Ниловъ дѣятельно спасалъ матросовъ, но не успѣлъ отѣхъ отѣхъ, и тѣ, кто вѣроятно спасалъ, оправдывались, что не имѣли времени.

Ниловъ дѣятельно спасалъ матросовъ, но не успѣлъ отѣхъ отѣхъ, и тѣ, кто вѣроятно спасалъ, оправдывались, что не имѣли времени.

Ниловъ дѣятельно спасалъ матросовъ, но не успѣлъ отѣхъ отѣхъ, и тѣ, кто вѣроятно спасалъ, оправдывались, что не имѣли времени.

тайской п'ятери дружини: подпоручики Габаевъ и Петровскій; самурзанскаго пррегулярного полка поручики Бата-Етхуквари и переводчикъ, коллежскій секретарь Иванъ Етхуквари. Контузены: генераль-маіоръ кнѧзь Дадаинъ; кубанскаго полка: штабъ-капитанъ Ту-чанская, поручики: Волченко и Тей-разовъ и подпоручикъ Сойниковъ; ахалцыхскаго полка, командиръ полка Шидловскій, маіоры: кнѧзь Никерадзе и Яковлевъ; 2-го лабинскаго казачьаго полка хорунжий Костюра и кутанской п'ятери дружини прaporщикъ Колъдъ-швили.

Одинъ изъ многочисленныхъ корреспондентовъ „Кельнской Газеты“, посыпавъ въ русскомъ лагерь на Дунай, переправился затмъ въ турецкій лагерь и испытывалъ на себѣ всѣ многочисленныя стѣсненія, коимъ подвергаются турецкіе военачальники вностранныхъ корреспондентовъ, прибывъ въ Константинополь. Онъ разсказывается о своей побѣдѣ, между прочимъ, какъ онъ, въ числѣ другихъ корреспондентовъ, былъ привлеченъ въ главную квартиру въ Шумлу, где, послѣ многихъ мытарствъ, видавъ имъ было свидѣтельства изъ предыдущіе въ лагерь. При этомъ съ нихъ взято было обязательство посыпать корреспонденту не иначе какъ по турецкой почтѣ и доставить въ главную квартиру конопли со своихъ писемъ; телеграммы же имъ позволяется писать не иначе какъ по особому каждыи разъ разрѣшенію. Кто не желаетъ подчиниться этимъ условіямъ тотъ немедленно высыпается изъ лагеря.

Все это однакъ нисколько не умалило п'ятери заботливости корреспондента туркоильской газеты обѣ успѣхахъ турецкаго оружія, которая видна въ при-водимомъ ниже письмѣ, и не испортла его интимныхъ отношеній ко вѣтальнимъ лицамъ въ столицѣ, съ коими онъ вѣль о чёмъ-то конфиденциальные переговоры, отрывая ихъ для этого отъ сминыхъ спѣшныхъ занятій.

Послѣ нѣсколькоихъ недѣль скитаний по мѣстамъ военныхъ дѣйствій, пимѣтъ корреспондентъ, въ письмѣ отъ 28 июня, и прибылъ въ столицу оттоманской имперіи. При вѣздѣ въ Босфоръ я замѣтилъ, что съ обѣихъ сторонъ возводятся очень сильныя укрѣпленія, вооруженные, какъ мнѣ говорили, крупновскими пушками. Укрѣпленія эти постоянно еще усилываются и расширяются. Такъ какъ при преходствіи турецкаго флота нельзя ожидать нападенія Россіи съ моря, то мнѣ показалось, что пушки и снаряды здѣсь потраченные, могли бы быть употреблены съ большою пользою на Дунай. Событія послѣднихъ дней слишкомъ хорошо подтвердили мои опасенія насчетъ небрежности турокъ, высказанныя въ моемъ письмѣ изъ Ру-шку. Несмотря на то, что было ясно видно сосредоточеніе большихъ силъ у Зимницы и что у Журжевы русскіе возводили батареи, турецкое начальство ничего не предприняло, дабы помѣшать приготовленіямъ противника и чтобы оградить себя отъ нападенія. Повидимому, главнокомандующій, сидя въ своемъ шатре подъ Шумлой, нашелъ лучшее употребленіе своему времени. Нельзя достаточно сильно осудить турецкій способъ веденія войны на Дунай. Какъ мало можно ожидать отъ турецкаго арміи, расположенной между Силистріей и Ни-кополемъ, доказывается уже тѣмъ, что въ Систовѣ, пунктѣ чрезвычайно важномъ въ стратегическомъ отношеніи, гарнизонъ былъ такъ ничтоженъ, что не могъ воспротивиться высадкѣ 2—3000 русскихъ, которые переправились въ простыхъ лодкахъ. Малческое же по-тому разъ разѣтъ разъ assez forte a cet endroit, сказалъ мнѣ Сафетъ-паша, когда я ему выразилъ мое удивленіе по этому поводу. Извѣстія, полученная съ театра войны, вызвали здѣсь большую тревогу и уныніе.

На другой день послѣ моего приѣзда я имѣлъ аудіенцію у великаго визира. Эдхемъ-паша принялъ меня чрезвычайно любезно въ своемъ кабинетѣ; по при-мѣру турокъ старого пошиба, онъ курилъ изъ длинной трубки футовъ въ 6 и усадилъ меня рядомъ съ собою. По обыкновенію, поданы были чашаи съ кофе. Я долженъ былъ ему многое разъказать о моихъ побѣдахъ по Румыніи и Сербіи, о порядкахъ-же, видимыхъ мною въ Болгаріи, онъ меня мало разспрашивалъ. Когда я самъ принялъ ему разсказыванія о тамошнихъ неурадицахъ, онъ только грустно покачивалъ головой: видно было, что въ моихъ рассказахъ не было для него ничего нового. Послѣ этого свиданія съ величимъ визиремъ я не могу согласиться съ тѣмъ, кто утверждаютъ будто онъ во чѣ-бы ни стало желаетъ оставаться при власти. Да и нельзѧ сказать, чтобы власть была сосредоточена въ его рукахъ. Вѣнѣніе придворныхъ фаворитовъ такъ велико что противъ нихъ не можетъ бороться ни одинъ министръ. То, что мнѣ рассказывали о сultantѣ Абдуль-Гамидѣ не внушило никакихъ добрыхъ ожиданій. Со всѣхъ сторонъ я слышала подтверждение того, что мнѣ еще въ Болгаріи о немъ рассказывали. Жадность и трусость составляютъ выдающіяся черты этого слабаго государя; по способностямъ и образованію онъ далеко уступаетъ своимъ брату Мураду. О послѣднемъ въ очень сѣбѣющихъ здѣшнихъ кругахъ говорятъ, что онъ вовсе не боленъ, и людѣ видѣвшіе его еще недавно, увѣрили

меня, что всѣ сплетни о немъ, распространяемыя приближенными сultана, совершенно невѣры, и что о нихъ ничего не знаетъ самъ Абдуль-Гамидъ, честно видящій со своимъ братомъ. Абдуль-Гамидъ находится вполнѣ подъ вѣяніемъ сераскира Редиф-пашы. Къ со-жалѣнію, я не имѣлъ времени лично познакомиться съ военнымъ министромъ; но изъ того, что я о немъ слышалъ, да же отъ его противниковъ, это человѣкъ недюжинныхъ способностей и большой энергіи. Хотя въ арміи его не любятъ, тѣмъ не менѣе всѣ уверены, что онъ можетъ быть свергнутъ лишь въ случаѣ тѣхъ пораженій. Редиф-паша умѣеть спрятаться со всѣми турецкими революционерами, и поэтому Абдуль-Гамидъ такъ имъ дорожитъ. Эдхемъ-паша не скрываетъ отъ меня своихъ недобрыхъ предчувствій, при разставаніи онъ сказалъ со странно усмѣшкой: „Мы, турецкіе государственные люди окружены, какъ и наше отечество, со всѣхъ сторонъ врагами.“ Великій визирь, отплатившій мнѣ сего дня визитъ, привѣтствуетъ въ главную квартиру въ Шумлу, где, послѣ многихъ мытарствъ, видавъ имъ было свидѣтельства изъ предыдущіе въ лагерь. При этомъ съ нихъ взято было обязательство посыпать корреспонденту не иначе какъ по турецкой почтѣ и доставить въ главную квартиру конопли со своихъ писемъ; телеграммы же имъ позволяется писать не иначе какъ по особому каждыи разъ разрѣшенію. Кто не желаетъ подчиниться этимъ условіямъ тотъ немедленно высыпается изъ лагеря.

Все это однакъ нисколько не умалило п'ятери заботливости корреспондента туркоильской газеты обѣ успѣхахъ турецкаго оружія, которая видна въ при-водимомъ ниже письмѣ, и не испортла его интимныхъ отношеній ко вѣтальнимъ лицамъ въ столицѣ, съ коими онъ вѣль о чёмъ-то конфиденциальные переговоры, отрывая ихъ для этого отъ сминыхъ спѣшныхъ занятій.

Послѣ нѣсколькоихъ недѣль скитаний по мѣстамъ военныхъ дѣйствій, пимѣтъ корреспондентъ, въ письмѣ отъ 28 июня, и прибылъ въ столицу оттоманской имперіи. При вѣздѣ въ Босфоръ я замѣтилъ, что съ обѣихъ сторонъ возводятся очень сильныя укрѣпленія, вооруженные, какъ мнѣ говорили, крупновскими пушками. Укрѣпленія эти постоянно еще усилываются и расширяются. Такъ какъ при преходствіи турецкаго флота нельзя ожидать нападенія Россіи съ моря, то мнѣ показалось, что пушки и снаряды здѣсь потраченные, могли бы быть употреблены съ большою пользою на Дунай. Событія послѣднихъ дней слишкомъ хорошо подтвердили мои опасенія насчетъ небрежности турокъ, высказанныя въ моемъ письмѣ изъ Ру-шку. Несмотря на то, что было ясно видно сосредоточеніе большихъ силъ у Зимницы и что у Журжевы русскіе возводили батареи, турецкое начальство ничего не предприняло, дабы помѣшать приготовленіямъ противника и чтобы оградить себя отъ нападенія. Повидимому, главнокомандующій, сидя въ своемъ шатре подъ Шумлой, нашелъ лучшее употребленіе своему времени. Нельзя достаточно сильно осудить турецкій способъ веденія войны на Дунай. Какъ мало можно ожидать отъ турецкаго арміи, расположенной между Силистріей и Ни-кополемъ, доказывается уже тѣмъ, что въ Систовѣ, пункѣ чрезвычайно важномъ въ стратегическомъ отношеніи, гарнизонъ былъ такъ ничтоженъ, что не могъ воспротивиться высадкѣ 2—3000 русскихъ, которые переправились въ простыхъ лодкахъ. Малческое же по-тому разъ разѣтъ разъ assez forte a cet endroit, сказалъ мнѣ Сафетъ-паша, когда я ему выразилъ мое удивленіе по этому поводу. Извѣстія, полученная съ театра войны, вызвали здѣсь большую тревогу и уныніе.

На другой день послѣ моего приѣзда я имѣлъ аудіенцію у великаго визира. Эдхемъ-паша принялъ меня чрезвычайно любезно въ своемъ кабинетѣ; по при-мѣру турокъ старого пошиба, онъ курилъ изъ длинной трубки футовъ въ 6 и усадилъ меня рядомъ съ собою. По обыкновенію, поданы были чашаи съ кофе. Я долженъ былъ ему многое разъказать о моихъ побѣдахъ по Румыніи и Сербіи, о порядкахъ-же, видимыхъ мною въ Болгаріи, онъ меня мало разспрашивалъ. Когда я самъ принялъ ему разсказыванія о тамошнихъ неурадицахъ, онъ только грустно покачивалъ головой: видно было, что въ моихъ рассказахъ не было для него ничего нового. Послѣ этого свиданія съ величимъ визиремъ я не могу согласиться съ тѣмъ, кто утверждаютъ будто онъ во чѣ-бы ни стало желаетъ оставаться при власти. Да и нельзѧ сказать, чтобы власть была сосредоточена въ его рукахъ. Вѣнѣніе придворныхъ фаворитовъ такъ велико что противъ нихъ не можетъ бороться ни одинъ министръ. То, что мнѣ рассказывали о сultantѣ Абдуль-Гамидѣ не внушило никакихъ добрыхъ ожиданій. Со всѣхъ сторонъ я слышала подтверждение того, что мнѣ еще въ Болгаріи о немъ рассказывали. Жадность и трусость составляютъ выдающіяся черты этого слабаго государя; по способностямъ и образованію онъ далеко уступаетъ своимъ брату Мураду. О послѣднемъ въ очень сѣбѣющихъ здѣшнихъ кругахъ говорятъ, что онъ вовсе не боленъ, и людѣ видѣвшіе его еще недавно, увѣрили

меня, что всѣ сплетни о немъ, распространяемыя приближенными сultана, совершенно невѣры, и что о нихъ ничего не знаетъ самъ Абдуль-Гамидъ, честно видящій со своимъ братомъ. Абдуль-Гамидъ находится вполнѣ подъ вѣяніемъ сераскира Редиф-пашы. Къ со-жалѣнію, я не имѣлъ времени лично познакомиться съ военнымъ министромъ; но изъ того, что я о немъ слышалъ, да же отъ его противниковъ, это человѣкъ недюжинныхъ способностей и большой энергіи. Хотя въ арміи его не любятъ, тѣмъ не менѣе всѣ уверены, что онъ можетъ быть свергнутъ лишь въ случаѣ тѣхъ пораженій. Редиф-паша умѣеть спрятаться со всѣми турецкими революционерами, и поэтому Абдуль-Гамидъ такъ имъ дорожитъ. Эдхемъ-паша не скрываетъ отъ меня своихъ недобрыхъ предчувствій, при разставаніи онъ сказалъ со странно усмѣшкой: „Мы, турецкіе государственные люди окружены, какъ и наше отечество, со всѣхъ сторонъ врагами.“ Великій визирь, отплатившій мнѣ сего дня визитъ, привѣтствуетъ въ главную квартиру въ Шумлу, где, послѣ многихъ мытарствъ, видавъ имъ было свидѣтельства изъ предыдущіе въ лагерь. При этомъ съ нихъ взято было обязательство посыпать корреспонденту не иначе какъ по турецкой почтѣ и доставить въ главную квартиру конопли со своихъ писемъ; телеграммы же имъ позволяется писать не иначе какъ по особому каждыи разъ разрѣшенію. Кто не желаетъ подчиниться этимъ условіямъ тотъ немедленно высыпается изъ лагеря.

— Одинъ изъ многочисленныхъ корреспондентовъ „Кельнской Газеты“, посыпавъ въ русскомъ лагерь на Дунай, переправился затмъ въ турецкій лагерь и испытывалъ на себѣ всѣ многочисленныя стѣсненія, коимъ подвергаются турецкіе военачальники вностранныхъ корреспондентовъ, прибывъ въ Константинополь. Онъ разсказывается о своей побѣдѣ, между прочимъ, какъ онъ, въ числѣ другихъ корреспондентовъ, былъ привлеченъ въ главную квартиру въ Шумлу, где, послѣ многихъ мытарствъ, видавъ имъ было свидѣтельства изъ предыдущіе въ лагерь. При этомъ съ нихъ взято было обязательство посыпать корреспонденту не иначе какъ по турецкой почтѣ и доставить въ главную квартиру конопли со своихъ писемъ; телеграммы же имъ позволяется писать не иначе какъ по особому каждыи разъ разрѣшенію. Кто не желаетъ подчиниться этимъ условіямъ тотъ немедленно высыпается изъ лагеря.

— Одинъ изъ многочисленныхъ корреспондентовъ „Кельнской Газеты“, посыпавъ въ русскомъ лагерь на Дунай, переправился затмъ въ турецкій лагерь и испытывалъ на себѣ всѣ многочисленныя стѣсненія, коимъ подвергаются турецкіе военачальники вностранныхъ корреспондентовъ, прибывъ въ Константинополь. Онъ разсказывается о своей побѣдѣ, между прочимъ, какъ онъ, въ числѣ другихъ корреспондентовъ, былъ привлеченъ въ главную квартиру въ Шумлу, где, послѣ многихъ мытарствъ, видавъ имъ было свидѣтельства изъ предыдущіе въ лагерь. При этомъ съ нихъ взято было обязательство посыпать корреспонденту не иначе какъ по турецкой почтѣ и доставить въ главную квартиру конопли со своихъ писемъ; телеграммы же имъ позволяется писать не иначе какъ по особому каждыи разъ разрѣшенію. Кто не желаетъ подчиниться этимъ условіямъ тотъ немедленно высыпается изъ лагеря.

— Одинъ изъ многочисленныхъ корреспондентовъ „Кельнской Газеты“, посыпавъ въ русскомъ лагерь на Дунай, переправился затмъ въ турецкій лагерь и испытывалъ на себѣ всѣ многочисленныя стѣсненія, коимъ подвергаются турецкіе военачальники вностранныхъ корреспондентовъ, прибывъ въ Константинополь. Онъ разсказывается о своей побѣдѣ, между прочимъ, какъ онъ, въ числѣ другихъ корреспондентовъ, былъ привлеченъ въ главную квартиру въ Шумлу, где, послѣ многихъ мытарствъ, видавъ имъ было свидѣтельства изъ предыдущіе въ лагерь. При этомъ съ нихъ взято было обязательство посыпать корреспонденту не иначе какъ по турецкой почтѣ и доставить въ главную квартиру конопли со своихъ писемъ; телеграммы же имъ позволяется писать не иначе какъ по особому каждыи разъ разрѣшенію. Кто не желаетъ подчиниться этимъ условіямъ тотъ немедленно высыпается изъ лагеря.

— Одинъ изъ многочисленныхъ корреспондентовъ „Кельнской Газеты“, посыпавъ въ русскомъ лагерь на Дунай, переправился затмъ въ турецкій лагерь и испытывалъ на себѣ всѣ многочисленныя стѣсненія, коимъ подвергаются турецкіе военачальники вностранныхъ корреспондентовъ, прибывъ въ Константинополь. Онъ разсказывается о своей побѣдѣ, между прочимъ, какъ онъ, въ числѣ другихъ корреспондентовъ, былъ привлеченъ въ главную квартиру въ Шумлу, где, послѣ многихъ мытарствъ, видавъ имъ было свидѣтельства изъ предыдущіе въ лагерь. При этомъ съ нихъ взято было обязательство посыпать корреспонденту не иначе какъ по турецкой почтѣ и доставить въ главную квартиру конопли со своихъ писемъ; телеграммы же имъ позволяется писать не иначе какъ по особому каждыи разъ разрѣшенію. Кто не желаетъ подчиниться этимъ условіямъ тотъ немедленно высыпается изъ лагеря.

— Одинъ изъ многочисленныхъ корреспондентовъ „Кельнской Газеты“, посыпавъ въ русскомъ лагерь на Дунай, переправился затмъ въ турецкій лагерь и испытывалъ на себѣ всѣ многочисленныя стѣсненія, коимъ подвергаются турецкіе военачальники вностранныхъ корреспондентовъ, прибывъ въ Константинополь. Онъ разсказывается о своей побѣдѣ, между прочимъ, какъ онъ, въ числѣ другихъ корреспондентовъ, былъ привлеченъ въ главную квартиру въ Шумлу, где, послѣ многихъ мытарствъ, видавъ имъ было свидѣтельства изъ предыдущіе въ лагерь. При этомъ съ нихъ взято было обязательство посыпать корреспонденту не иначе какъ по турецкой почтѣ и доставить въ главную квартиру конопли со своихъ писемъ; телеграммы же имъ позволяется писать не иначе какъ по особому каждыи разъ разрѣшенію. Кто не желаетъ подчиниться этимъ условіямъ тотъ немедленно высыпается изъ лагеря.

— Одинъ изъ многочисленныхъ корреспондентовъ „Кельнской Газеты“, посыпавъ въ русскомъ лагерь на Дунай, переправился затмъ въ турецкій лагерь и испытывалъ на себѣ всѣ многочисленныя стѣсненія, коимъ подвергаются турецкіе военачальники вностранныхъ корреспондентовъ, прибывъ въ Константинополь. Онъ разсказывается о своей побѣдѣ, между прочимъ, какъ онъ, въ числѣ другихъ корреспондентовъ, былъ привлеченъ въ главную квартиру въ Шумлу, где, послѣ многихъ мытарствъ, видавъ имъ было свидѣтельства изъ предыдущіе въ лагерь. При этомъ съ нихъ взято было обязательство посыпать корреспонденту не иначе какъ по турецкой почтѣ и доставить въ главную квартиру конопли со своихъ писемъ; телеграммы же имъ позволяется писать не иначе какъ по особому каждыи разъ разрѣшенію. Кто не желаетъ подчиниться этимъ условіямъ тотъ немедленно высыпается изъ лагеря.

— Одинъ изъ многочисленныхъ корреспондентовъ „Кельнской Газеты“, посыпавъ въ русскомъ лагерь на Дунай, переправился затмъ въ турецкій лагерь и испытывалъ на себѣ всѣ многочисленныя стѣсненія, коимъ подвергаются турецкіе военачальники вностранныхъ корреспондентовъ, прибывъ въ Константинополь. Онъ разсказывается о своей побѣдѣ, между прочимъ, какъ онъ, въ числѣ другихъ корреспондентовъ, былъ привлеченъ въ главную квартиру въ Шумлу, где, послѣ многихъ мытарствъ, видавъ имъ было свидѣтельства изъ предыдущіе въ лагерь. При этомъ съ нихъ взято было обязательство посыпать корреспонденту не иначе какъ по турецкой почтѣ и доставить въ главную квартиру конопли со своихъ писемъ; телеграммы же имъ позволяется писать не иначе какъ по особому каждыи разъ разрѣшенію. Кто не желаетъ подчиниться этимъ условіямъ тотъ немедленно высыпается изъ лагеря.

— Одинъ изъ многочисленныхъ корреспондентовъ „Кельнской Газеты“, посыпавъ въ русскомъ лагерь на Дунай, переправился

не недовольна такими высказанными Германцем пристрастиями в отношении к России, и это неудовольствие выражается во взглядах венского кабинета на сербскую дилу. Тронная речь князя Милана, несмотря на ее проповеднический характер, признается в Вене угрозой. В следствие этого, граф Адриан имел продолжительные сношения с русским послом Новиковым, которому он сообщил о решимости Австрии занять Сербию. Русский посол тотчас телеграфировал об этом в Бухарешт. Австрия не передает через Мораву, а примет эту роль демаркационную либо между своими и русскими войсками. В таком случае, как телеграфируют в "National Zeitung", русская войска совершают проход через Сербию, т. е. через занятую австрийцами землю.

— Из Вены пишут Москву. Вид: "Прибытие английского флота в Болгарию, при первоначально полученным из Константинопольским телеграммам, вызвало было в турецком наследии Константинополя всеобщий восстание, возобновившее в них надежду на вооруженную поддержку Турции со стороны Великобритании. Что этому впечатлению в первую минуту не остались чужды и высшие турецкие правительственные сферы и сам султан, это лучше всего доказывается фактом вспомогательной переписки, вызванной сообщением об этом решении Англии г. Ледардом султану, в отношении которых представителя Великобритании: султан вдруг не только внял давним жалобам его на Редиф-пашу и решил удалить последнего, но, по слухам, приказал вступить в переговоры и с Михнат-чашой насчет условий возвращения его на прежний пост. Еще более сильное впечатление радости вызвало решение лондонского кабинета в коммерческих сферах Смирны, где выказалась надежда, что ободренные радостными известиями Порта откажутся от возвращенного им намбрана за городом торпедами, входом в Дараделлы и в смирнскую гавань. Но разочарование не замедлило. Известие, что английский флот, оставивший Болгарию в составе 16 бронепосадок, возвращается в состав всего в бронепосадках, что личный состав моряков этой эскадры далеко не соответствует, по своей малоизвестности, потребностям морской войны, наконец, что эскадра не имеет с собою никакого десантного войска, словно вдруг обдало холдингом водой разгоряченных надеждами на содействие Англии головы турецких правителей и их отважных европейских эксплуататоров. В правительствах сферах Стамбула возникло убеждение, что английский флот занял позицию у самого входа в Дараделлы, вовсе не для спасения Турции, а напротив для того чтобы, в случае нужды, то есть когда Турция будет близка к падению под ударом русских, успеть во время выгородить свои собственные интересы, занять Константинополь, а может быть и какие-либо другие пункты прежде чем вступать в него русские и принудить Порту, немедленным заключением мира, остановить побдоносное шествие ее пропаганды. Само собою разумеется, что эта перемена во взглядах турок на возвращение английского флота в беззапасную бухту немедленно отозвалась и на отношении Порты к представителю Великобритании: всякие толки о переговорах с Михнат-чашой канули в воду, при входе в смирнскую гавань погруженные торпеды и, паршивые стоящими иностранными представителями, г. Ледарду все-таки запрещено споситься лицом розанными телеграммами с агентами Великобритании на театр войны, что, между прочим, приводит их всегда к необходимости прибегать к различным, поистине комическим, уловкам, чтобы доставлять в Константинополь по телеграфу свидетельства о турецких неудачах. Так, в Politische Correspondenz пишут из Константинополя, что недавно еще генерал Кемаль, чтобы сообщить г. Ледарду известие о каком-то поражении Мухтар-паша сослался в своей телеграмме на 11 страницу книги пророка Самуила..

Но поистине неистощимая радость вызвало известие о возвращении британской эскадры в базискую бухту в аристократических сферах мадьярской консервативной партии, на счету чего я получил весьма характеристика подробности от только что возвращавшегося из Венгерии мадьара, въкогда служившего в России и которого приводят в негодование туркофильская неистовство его соотечественников. В аристократических мадьярских кружках, группирующихся ныне въкторых поместях для охоты, не было конца разливному морю шампанского и тексского и восторженным здравицам за Австрию, спасающую Турцию, за участия в Австро-Венгрии в великом дѣлѣ этого спасения. А тут, как раз, подсъела известная всем венская корреспонденция из "Neuesten Lloyd", изъясняющая о заключении в этом же

смысле союза между Австро-Венгрией и Англией. Правда, несколько дней спустя, появилось и опровержение этого известия, не только в других газетах, но и со стороны того же венского корреспондента. Но сколько охотно поверили мадьара самому известию, столь же решительно отвергли они опровержение этого известия; надо признаться впрочем, тоже самое происходит и в самой Вене. Всюду преобладает убеждение, что опровержение состоялось лишь в угоду русскому посольству и по его настоянию. При всем том могу вспомнить, что убеждение это положительно должно. Опровержение состоялось просто по настоянию одного весьма известного венского официального журналиста, редактирующего одну из венских газет и пописывающего иногда в том же духе, под рукой властом заштатного бюро печати, венская корреспонденция из "Neuesten Lloyd". Журналист этот обыватель редактора управления издаваемого бюро, что ему невозможно будет продолжать сообщать в "Neuesten Lloyd" известия, согласно указаниям имперского министерства, если другой венский корреспондент своим тревожным толками будет спровоцировать эти известия в той же газете. Таким образом он настойчив на том, чтобы эти тревожные толки были немедленно опровергнуты. Но наше посольство, ни забывчивость здешнего правительства были тут ни при чем. Само собою разумеется, что этим лишился всякого значения и само опровержение...

Действительно, во всех сферах здешнего общества, в последние времена, с особенно настойчивостью стала повторяться толка о каком-нибудь здешнем политическом перевороте во венской политике венского императорского министерства. Поводом к этим толкам служит все-таки несчастная Сербия: вопреки заговору г. Ристича и здешнего сербского агента, г. Чукича, который даже моральною характеристикой речи князя Милана, в венском общественном мнении рыштывалось, что Сербия не может остановить наступление русских войсками из стороны от настоящей войны. Особенную силу придали этому убеждение известия о повальном избиении христиан в Добрудже отступающими "черкесами и баш-буками", как и выражались первые известия оттуда. В настоещее время оказывается, что опровержение, разорение до та покидаемой турецкими войсками местности и появление избиений поселенцев вней христиан составляют вовсе не поэтое доказательство необузданности сопровождающих турецкую армию иррегулярных шаков, а сплошь обдуманную турками систему, в исполнении которой участвуют также усердно регулярные, как и иррегулярные турецкие войска. Цель этой системы двоякая: вовремя, совершившим разорением местности затруднив движение по ней русским, второрождым, избиение христиан напугать спешащих на освобождение их русских войск.

Единственным средством предупредить нас всем противостоящим операционной линии русских повторение прошлогодних ужасов Болгарии, по мнению существующих людей, является немедленный переход русских войск через границу Сербии и движение их вперед по долине Тимока. Этим движением обходятся все сильно занятые и укрепленные турками позиции на Балканах и угрожают сообщение из Софии, Адрианополем и самими Стамбулом всем расположенных на север от Балкан турецких войск, вследствие чего, однажды известие об этом движении будет достаточно, чтобы обратить весь баланс "без оглядки" всей эти войска, которым тогда не будет ни полыши, ни даже времени заниматься разорением и опустошением пробегаемой ими местности и повальным избиением ее жителей...

Но движение это имело бы и другое послѣдствіе. По самим венским свѣдѣніям известно нынѣ, что в Наша средоточена 20.000 турецкой корпуса. Нѣт ни малѣйшаго сомнѣнія, что при первом движении русских в глубину Балкан, этот турецкий корпусъ займет Сербию и предаст ее огню и мечу, дабы, съ одной стороны, угрожать нашимъ сообщеніямъ съ Дунайемъ, а съ другой стороны — привести насъ, хоть въ состраданіе къ Сербии, поспѣшить къ ней на помощь. И такъ движение русскихъ по долинѣ Тимока разомъ будутъ избавлены и Болгария и Сербия отъ угрожающихъ ей, со стороны турецкихъ дикарей, геномѣрныхъ бѣдствій, разорений и убийств...

Но мало ли и русской крови будетъ сбрасывать этимъ движениемъ, обходящимъ столъ сильно укрепленные нынѣ балканскіе дѣфины, на защиту которыхъ, очевидно, сосредоточиваетъ нынѣ всю свою силу турецкій главнокомандующій?

Само собою разумѣется, что въ виду всѣхъ этихъ соображеній, даже самыхъ туркофильскихъ здешнихъ сферъ убѣждены, что какъ для Сербии, такъ и для России, рано или поздно сдѣлается невозможнымъ вмѣненіе Австрии Сербии самоубѣдительный для послѣдней и предательской для болгаръ нѣстраплигетъ.

## РАЗНЫЕ ИЗВѢСТИЯ.

— Берлинская газета "Deutsches Monatssblatt" сообщаетъ характеристический эпизодъ, мѣтко обозначающей собою блаженность нашихъ почтенныхъ юниковъ румынъ. Какъ известно, румынское правительство далеко не расположено къ России; министры Братиславы и Когельничаны старались всеми силами создать препятствія при передвижении русскихъ войскъ въ предѣлахъ Румыніи. Но означенный эпизодъ еще рельефѣ обозначаетъ двойственность румынскаго дипломатія. Въ одинъ прекрасный день, румынскій посыревъ въ дѣлахъ въ Венѣ является въ кабинетъ графа Андриши съ объемистымъ портфелемъ бумагъ. Посьѣ краткаго разговора, посытѣль съ хитрою улыбкою, показывая бумаги, сказалъ министру: "Я не имѣю порученія, графъ, проще въсѧмъ эти бумаги, а также не уполномоченъ оставить въсѧмъ съ пѣхѣ копію, но мѣтко поручено забыть ихъ здѣсь въ даваніе". Сказалъ это, румынскій Маккавелли поклонился и, действительное, забылъ документы на двадцать два дня спустя, тѣ же господинъ явился въ тотъ же кабинетъ и въздохнулъ: "Где бумаги?". Графъ, проще въсѧмъ эти бумаги, а также не уполномоченъ оставить въсѧмъ съ пѣхѣ копію, но мѣтко поручено забыть ихъ здѣсь въ даваніе". Сказалъ это, румынскій Маккавелли поклонился и, действительное, забылъ документы на двадцать два дня спустя, тѣ же господинъ явился въ тотъ же кабинетъ и въздохнулъ: "Где бумаги?". Графъ, проще въсѧмъ эти бумаги, а также не уполномоченъ оставить въсѧмъ съ пѣхѣ копію, но мѣтко поручено забыть ихъ здѣсь въ даваніе". Сказалъ это, румынскій Маккавелли поклонился и, действительное, забылъ документы на двадцать два дня спустя, тѣ же господинъ явился въ тотъ же кабинетъ и въздохнулъ: "Где бумаги?". Графъ, проще въсѧмъ эти бумаги, а также не уполномоченъ оставить въсѧмъ съ пѣхѣ копію, но мѣтко поручено забыть ихъ здѣсь въ даваніе". Сказалъ это, румынскій Маккавелли поклонился и, действительное, забылъ документы на двадцать два дня спустя, тѣ же господинъ явился въ тотъ же кабинетъ и въздохнулъ: "Где бумаги?". Графъ, проще въсѧмъ эти бумаги, а также не уполномоченъ оставить въсѧмъ съ пѣхѣ копію, но мѣтко поручено забыть ихъ здѣсь въ даваніе". Сказалъ это, румынскій Маккавелли поклонился и, действительное, забылъ документы на двадцать два дня спустя, тѣ же господинъ явился въ тотъ же кабинетъ и въздохнулъ: "Где бумаги?". Графъ, проще въсѧмъ эти бумаги, а также не уполномоченъ оставить въсѧмъ съ пѣхѣ копію, но мѣтко поручено забыть ихъ здѣсь въ даваніе". Сказалъ это, румынскій Маккавелли поклонился и, действительное, забылъ документы на двадцать два дня спустя, тѣ же господинъ явился въ тотъ же кабинетъ и въздохнулъ: "Где бумаги?". Графъ, проще въсѧмъ эти бумаги, а также не уполномоченъ оставить въсѧмъ съ пѣхѣ копію, но мѣтко поручено забыть ихъ здѣсь въ даваніе". Сказалъ это, румынскій Маккавелли поклонился и, действительное, забылъ документы на двадцать два дня спустя, тѣ же господинъ явился въ тотъ же кабинетъ и въздохнулъ: "Где бумаги?". Графъ, проще въсѧмъ эти бумаги, а также не уполномоченъ оставить въсѧмъ съ пѣхѣ копію, но мѣтко поручено забыть ихъ здѣсь въ даваніе". Сказалъ это, румынскій Маккавелли поклонился и, действительное, забылъ документы на двадцать два дня спустя, тѣ же господинъ явился въ тотъ же кабинетъ и въздохнулъ: "Где бумаги?". Графъ, проще въсѧмъ эти бумаги, а также не уполномоченъ оставить въсѧмъ съ пѣхѣ копію, но мѣтко поручено забыть ихъ здѣсь въ даваніе". Сказалъ это, румынскій Маккавелли поклонился и, действительное, забылъ документы на двадцать два дня спустя, тѣ же господинъ явился въ тотъ же кабинетъ и въздохнулъ: "Где бумаги?". Графъ, проще въсѧмъ эти бумаги, а также не уполномоченъ оставить въсѧмъ съ пѣхѣ копію, но мѣтко поручено забыть ихъ здѣсь въ даваніе". Сказалъ это, румынскій Маккавелли поклонился и, действительное, забылъ документы на двадцать два дня спустя, тѣ же господинъ явился въ тотъ же кабинетъ и въздохнулъ: "Где бумаги?". Графъ, проще въсѧмъ эти бумаги, а также не уполномоченъ оставить въсѧмъ съ пѣхѣ копію, но мѣтко поручено забыть ихъ здѣсь въ даваніе". Сказалъ это, румынскій Маккавелли поклонился и, действительное, забылъ документы на двадцать два дня спустя, тѣ же господинъ явился въ тотъ же кабинетъ и въздохнулъ: "Где бумаги?". Графъ, проще въсѧмъ эти бумаги, а также не уполномоченъ оставить въсѧмъ съ пѣхѣ копію, но мѣтко поручено забыть ихъ здѣсь въ даваніе". Сказалъ это, румынскій Маккавелли поклонился и, действительное, забылъ документы на двадцать два дня спустя, тѣ же господинъ явился въ тотъ же кабинетъ и въздохнулъ: "Где бумаги?". Графъ, проще въсѧмъ эти бумаги, а также не уполномоченъ оставить въсѧмъ съ пѣхѣ копію, но мѣтко поручено забыть ихъ здѣсь въ даваніе". Сказалъ это, румынскій Маккавелли поклонился и, действительное, забылъ документы на двадцать два дня спустя, тѣ же господинъ явился въ тотъ же кабинетъ и въздохнулъ: "Где бумаги?". Графъ, проще въсѧмъ эти бумаги, а также не уполномоченъ оставить въсѧмъ съ пѣхѣ копію, но мѣтко поручено забыть ихъ здѣсь въ даваніе". Сказалъ это, румынскій Маккавелли поклонился и, действительное, забылъ документы на двадцать два дня спустя, тѣ же господинъ явился въ тотъ же кабинетъ и въздохнулъ: "Где бумаги?". Графъ, проще въсѧмъ эти бумаги, а также не уполномоченъ оставить въсѧмъ съ пѣхѣ копію, но мѣтко поручено забыть ихъ здѣсь въ даваніе". Сказалъ это, румынскій Маккавелли поклонился и, действительное, забылъ документы на двадцать два дня спустя, тѣ же господинъ явился въ тотъ же кабинетъ и въздохнулъ: "Где бумаги?". Графъ, проще въсѧмъ эти бумаги, а также не уполномоченъ оставить въсѧмъ съ пѣхѣ копію, но мѣтко поручено забыть ихъ здѣсь въ даваніе". Сказалъ это, румынскій Маккавелли поклонился и, действительное, забылъ документы на двадцать два дня спустя, тѣ же господинъ явился въ тотъ же кабинетъ и въздохнулъ: "Где бумаги?". Графъ, проще въсѧмъ эти бумаги, а также не уполномоченъ оставить въсѧмъ съ пѣхѣ копію, но мѣтко поручено забыть ихъ здѣсь въ даваніе". Сказалъ это, румынскій Маккавелли поклонился и, действительное, забылъ документы на двадцать два дня спустя, тѣ же господинъ явился въ тотъ же кабинетъ и въздохнулъ: "Где бумаги?". Графъ, проще въсѧмъ эти бумаги, а также не уполномоченъ оставить въсѧмъ съ пѣхѣ копію, но мѣтко поручено забыть ихъ здѣсь въ даваніе". Сказалъ это, румынскій Маккавелли поклонился и, действительное, забылъ документы на двадцать два дня спустя, тѣ же господинъ явился въ тотъ же кабинетъ и въздохнулъ: "Где бумаги?". Графъ, проще въсѧмъ эти бумаги, а также не уполномоченъ оставить въсѧмъ съ пѣхѣ копію, но мѣтко поручено забыть ихъ здѣсь въ даваніе". Сказалъ это, румынскій Маккавелли поклонился и, действительное, забылъ документы на двадцать два дня спустя, тѣ же господинъ явился въ тотъ же кабинетъ и въздохнулъ: "Где бумаги?". Графъ, проще въсѧмъ эти бумаги, а также не уполномоченъ оставить въсѧмъ съ пѣхѣ копію, но мѣтко поручено забыть ихъ здѣсь въ даваніе". Сказалъ это, румынскій Маккавелли поклонился и, действительное, забылъ документы на двадцать два дня спустя, тѣ же господинъ явился въ тотъ же кабинетъ и въздохнулъ: "Где бумаги?". Графъ, проще въсѧмъ эти бумаги, а также не уполномоченъ оставить въсѧмъ съ пѣхѣ копію, но мѣтко поручено забыть ихъ здѣсь въ даваніе". Сказалъ это, румынскій Маккавелли поклонился и, действительное, забылъ документы на двадцать два дня спустя, тѣ же господинъ явился въ тотъ же кабинетъ и въздохнулъ: "Где бумаги?". Графъ, проще въсѧмъ эти бумаги, а также не уполномоченъ оставить въсѧмъ съ пѣхѣ копію, но мѣтко поручено забыть ихъ здѣсь въ даваніе". Сказалъ это, румынскій Маккавелли поклонился и, действительное, забылъ документы на двадцать два дня спустя, тѣ же господинъ явился въ тотъ же кабинетъ и въздохнулъ: "Где бумаги?". Графъ, проще въсѧмъ эти бумаги, а также не уполномоченъ оставить въсѧмъ съ пѣхѣ копію, но мѣтко поручено забыть ихъ здѣсь въ даваніе". Сказалъ это, румынскій Маккавелли поклонился и, действительное, забылъ документы на двадцать два дня спустя, тѣ же господинъ явился въ тотъ же кабинетъ и въздохнулъ: "Где бумаги?". Графъ, проще въсѧмъ эти бумаги, а также не уполномоченъ оставить въсѧмъ съ пѣхѣ копію, но мѣтко поручено забыть ихъ здѣсь въ даваніе". Сказалъ это, румынскій Маккавелли поклонился и, действительное, забылъ документы на двадцать два дня спустя, тѣ же господинъ явился въ тотъ же кабинетъ и въздохнулъ: "Где бумаги?". Графъ, проще въсѧмъ эти бумаги, а также не уполномоченъ оставить въсѧмъ съ пѣхѣ копію, но мѣтко поручено забыть ихъ здѣсь въ даваніе". Сказалъ это, румынскій Маккавелли поклонился и, действительное, забылъ документы на двадцать два дня спустя, тѣ же господинъ явился въ тотъ же кабинетъ и въздохнулъ: "Где бумаги?". Графъ, проще въсѧмъ эти бумаги, а также не уполномоченъ оставить въсѧмъ съ пѣхѣ копію, но мѣтко поручено забыть ихъ здѣсь въ даваніе". Сказалъ это, румынскій Маккавелли поклонился и, действительное, забылъ документы на двадцать два дня спустя, тѣ же господинъ явился въ тотъ же кабинетъ и въздохнулъ: "Где бумаги?". Графъ, проще въсѧмъ эти бумаги, а также не уполномоченъ оставить въсѧмъ съ пѣхѣ копію, но мѣтко поручено забыть ихъ здѣсь въ даваніе". Сказалъ это, румынскій Маккавелли поклонился и, действительное, забылъ документы на двадцать два дня спустя, тѣ же господинъ явился въ тотъ же кабинетъ и въздохнулъ: "Где бумаги?". Графъ, проще въсѧмъ эти бумаги, а также не уполномоченъ